

*М. В. Харланов, П. Е. Бойко**

**О НЕОБХОДИМОСТИ ЛОГОЦЕНТРИЧЕСКОГО
ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА
Е. В. СПЕКТОРСКОГО)**

Отсутствие духовного диалога с самим собой проявляется феноменом замкнутости мировоззренческих установок индивида. Однако созревая в качестве индивидуальной черты, данный феномен ею вовсе не ограничивается и неизбежно распространяется во все сферы социального бытия, самым своим присутствием порождая изменения, ведущие к самоотрицанию. Такое самоотрицание вполне законно и, по нашему мнению, составляет в себе провиденциальный замысел Мирового Разума. Закономерен и обратный процесс: разумная форма социального бытия развивает до своего уровня и расширяет топографию индивидуального духа, подобно евангельской притче о насыщении множества малым. Выявление логических оснований, анализ исторических путей преодоления феномена конечных форм мышления, а также их социально-философская экспликация в особенных формах духовной жизни, системно разработанная в трудах российского ученого Е. В. Спекторского, и составляет собой содержание настоящей статьи.

Ключевые слова: всеобщая логика понятия, диалектика, Е. В. Спекторский, христоцентрическое мышление, логоцентризм, системная философия.

M. V. Kharlanov, P. E. Boyko

*ABOUT THE NECESSITY OF LOGOCENTRIC BASE OF PUBLIC LIFE. BASED
ON THE MATERIALS OF SCIENTIFIC WORKS OF E. V. SPEKTORSKY*

Absence of spiritual dialog with oneself is manifested by the phenomenon of asociality of individual paradigms. However, maturing as individual feature, such phenomenon is not

* Харланов Михаил Владимирович, выпускник аспирантуры кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный университет; MichaelHarlanov1988@yandex.ru

Бойко Павел Евгеньевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, профессор кафедры философии, Кубанский государственный университет; pboyko@mail.ru

restricted by it at all and inevitably covers all the spheres of being by its presence, generating changes, leading to self abnegation. Such self-abnegation has all the reason to be indignant and, in our opinion, is a providential scheme of Logos. Reverse process is also conforming to the laws of nature: rational form of social being develops up to its level and extends the topography of individual spirit, similar to evangelic proverb about saturation of a good many by small. Revealing logic bases, analysis of historical ways of overcoming the phenomenon of finite forms of thinking, as well as their social-philosophical explication in special forms of spiritual life, systematically developed in the labors of Russian scientist of E. V. Spektorsky is the content of this article.

Keywords: general logic of notion, dialectics, E. V. Spektorsky, Christocentric thinking, logocentrism, systematic philosophy.

Снятие тоталитарных форм коллективного духа, пожалуй, первостепенная задача всех народов с подобным духовным опытом. В этом смысле любая мировоззренческая установка может быть отнесена к тоталитарной, если под ней понимается всякая некритическая по отношению к себе самой и нетерпимая к другим идеология. Значит, систематическая критика социального поведения общества в своем же собственном сознании является тем механизмом извлечения опыта, который позволяет справиться с вышеуказанной задачей. Каждая культура должна принять и исповедовать перед другими участниками социокультурного диалога то представление, которое требует размышления как о коллективной, так о и личной ответственности за ошибки своего прошлого.

Сегодня, на наш взгляд, препятствия к оставлению тоталитарного прошлого могут быть сведены к двум, казалось бы, враждебным по отношению друг к другу, однако в сущности своей совершенно тождественным точкам зрения: националистический изоляционизм и защищающая свободу личного выбора демократия, защищающая до такой степени, что сам по себе личный выбор теряет всякий смысл. Подобные односторонности в тех или иных своих проявлениях на протяжении всего исторического процесса составляли его непосредственную противоположность — эпохи торжествующих предрассудков и подавления всего разумного. Общей чертой выступает соблазн педагогического перевоспитания, явления также хорошо известного советской культуре «перековки» человеческой личности. Современность, донныне, после всех пережитых антропогенных катастроф, характеризующаяся резким делением на «хороших» и «плохих», отсутствием чувства личной ответственности, свидетельствует о необходимости пересмотра собственной истории, повторного обращения к трагическим событиям XX в. Подобные крайности, таким образом, означают не что иное, как повторное вхождение в одну и ту же реку. Опыт разумного мышления говорит о том, что урок, извлеченный из переосмысления прошлого, может быть лишь один — тоталитарные идеологии являются не метафизическими философемами бунтующих индивидов, а слишком поспешной попыткой выйти из кризиса предшествующих определенностей. Значит, отрезвляющее ощущение трагических последствий коллективного произвола должно свидетельствовать не о необходимости уничтожения прежнего и возведения нового запятанными руками, а о самокритичной открытости и интеллектуальной последовательности перед лицом собственного произвола.

Если мы рассматриваем следствие чего бы то ни было в отрыве от его причин, т. е. как нечто самодовлеющее, то это самое следствие выступит причиной того, следствием чего оно является. Или сам способ рассмотрения, являясь одним целым с рассматриваемым историческим содержанием, является условием опосредования последующего исторического периода.

Установлению закономерностей, подчиняющих себе обозначенные феномены, посвятили себя относительно недавно возникшие гуманитарные науки: социология, теория идеологии, политология, психоанализ, педагогика, культурология и пр. Все они по сути своей требуют от господствующей рациональности освоения духовной топографии человеческого бытия, подобного освоению физических явлений, а значит, следует обратиться к рассмотрению методологических средств, накопленных философским опытом.

Логическое требование преодоления собственного опыта — доминантный мотив практически всех современных философских учений (или исключительно философских учений, т. к. рефлексия над всеобщим есть единственный способ его возвращения к самому себе), эксплицируемый такими представлениями, как «диалог», «история», «время», «ритм». Также очевидна его духовная связь с идеей покаяния, восходящей к христианской традиции. Однако, несмотря на проявления данного представления в той или иной форме в разные времена, все они лишены той синтетической мощи, которая еще в античности подразумевалась идеей цельной натурфилософии и была реализована в системе абсолютного идеализма Г. Ф. В. Гегеля. Сознательная или бессознательная элиминация и превратное понимание различных моментов всеобщего с неизбежностью приводят к повторению разнообразных историко-философских идей, воспроизводя абстрактно-рассудочный (эмпиризм, метафизика) способ мышления. Выход в дурную бесконечность интеллектуальных мод является не чем иным, как механическим воспроизведением давным-давно оставленных особенных моментов исторического развития. Сопоставляя оценку спекулятивного разума подобным философским догматам с их экстатической слепотой невозможно не вспомнить слова нашего современника М. К. Мамардашвили: «Зазеркальные «пришельцы», которых можно себе представить лишь в виде экзотической помеси носорога и саранчи, сцепились в дурном хороводе, сея вокруг себя смерть, ужас и оцепенение непроященного морока». [1, с. 25]

Со времен Парменида (неразличное в себе и для себя тождество мышления и бытия) до расцвета немецкой классической философии (различное единство мысли и действительности) философия, развиваясь, проходит этапы диалектического отрицания всех особенных и единичных моментов, достигая своего оформления в науку диалектики или всеобщую логику понятия. Как справедливо отмечает Е. С. Линьков,

вместе с этим открытием завершается существование философии природы и философии истории. При непонимании необходимого предмета философии обе эти формы могут возродиться, но они не являются формами философии, а входят в положительную науку о природе и истории... <...> ...хотя диалектика Гегеля содержит в себе все историческое развитие философии, понять это историческое содержание, снятое и подчиненное высшей исторической ступени развития предмета, невозможно без рассмотрения самого исторического процесса развития

философии. А без усвоения исторического содержания, присущего результату, невозможно и понимание этого результата [2, с. 4–5].

Иллюстрациями к данному тезису могут послужить: феноменология Гуссерля, воспроизводящая принцип *cogito* Декарта, эклектично соединенный с элементами трансцендентальной философии Канта; англо-саксонская аналитическая философия; немецкая герменевтика с ее проблемой вхождения в «герменевтический круг»; «неоплатоническая диалектика мифа» А. Ф. Лосева и пр. Разумный анализ приведенных выше учений показывает, что какой-либо уникальный и «революционный» прирост знаний отсутствует, что говорит о непонимании всеобщности логического процесса становления понятия. Более эвристически плодотворным значением в данной ситуации обладает сам бесконечный процесс проявления всеобщего во вновь актуализирующихся формах Духа, Природы, Логоса. Данное обстоятельство подчинено принципу тотальной самоотрицательности понятия, в соответствии с которым каждая абстрактная форма содержит в себе потенцию конкретно-всеобщего, которая в ней еще скрыта. В этом и заключается «новизна» философских течений XIX–XX вв., которые являют собой определение всеобщего вследствие собственного отрицания. Значит, все исторические формы философий так или иначе есть становление философской системы абсолютного идеализма, без понимания которой, на наш взгляд, невозможно сознательное решение мировоззренческих проблем.

Таким образом, кризис, с которым столкнулась мировая общественность на рубеже XIX–XX вв. и отголоски которого составляют неотъемлемую часть действительности и по сей день, эксплицирован в научно-философском сообществе проблемой трансляции накопленного опыта, или введения сознательных явлений в научную картину мира. Данная проблема, как было указано выше, основана на неприятии системы абсолютного идеализма Г. Ф. В. Гегеля или на превратном понимании ее основных моментов. В соответствии с принципом самоотрицательности понятия для диалектического осмысления накопленного философско-методологического багажа и снятия его уже в качестве особых форм всеобщего необходимо вновь рассмотреть рационалистическую установку, господствующую над эпохой, и тщательно проанализировать проблематику используемых ею механизмов и способы получения знаний.

Проблема, сплотившая вокруг себя познавательные усилия начала XX в., требовала создания такого логически гомогенного пространства, в котором было бы возможно совместное объективное рассмотрение как физических явлений, так и сопутствующих им состояний сознания, т. е. включения в физическую теорию средств, используемых для построения этой теории. Данное обстоятельство привело к скрещению ряда научных дисциплин, таких как квантовая физика и теория относительности, социальная теория и теория идеологии, лингвистика, психоанализ, и означает, что научное понимание физической картины мира достигается путем непонимания сферы явлений сознания, которое, тем не менее, подчинено каким-то существенным свойствам и признакам. Естественнонаучный идеал рациональности, основанный на дуализме Р. Декарта, задающий наукам «положительность», различает два

различных, но взаимосвязанных пространства: внутреннее и внешнее, явления и соответствующие им теоретические сущности. Соответственно, эмпирические факты воспроизводства теоретической сущности при наблюдении, согласно классическому представлению, никоим образом не влияют на объективный ход вещей. Именно этот постулат, положенный в основу классической рациональности, формулирующей понимание объективного физического исследования, нарушается в указанных дисциплинах, конституирующих необходимость фиксации языкового (теоретического) выбора как эмпирического факта. Этим моментом и обусловлено появление иррациональных значений внутри собственных теорий. Значит, сознание отнюдь не *tabula rasa*, как предполагалось классической рациональностью, и требует некоей определенности. Отметим, что сам Декарт, вводя принцип «врожденных идей», фактически утвердил тождественность и непрерывность сознания во времени и пространстве. Сознание, по Декарту, обладает структурой, т. е. свойствами, которые не сводятся к его содержимому — знанию. Соответственно и принцип *cogito* (или сомнения) не есть лишь идеалистическая установка формальности сознания, а требование бесконечного становления неких потенций, воспроизводящих сознательный опыт с его содержимым. Отсюда собственно и берет начало дуализм — пространственная (внешняя) артикуляция предмета зависит от непрерывных («врожденных») установок сознания, или особенная определенность предмета уже предполагает собой определенность его всеобщего момента. Данное положение отвергалось «положительным» материалистическим пониманием физического универсума и породило хорошо известные бессмысленные вопросы о первичности и вторичности бытия и мышления, истине теории и истине факта, номинализме и реализме. Следовательно, требование пространственной артикуляции предмета не может рассматриваться вне сознательных постулатов, непосредственно определяющих содержание знания. Дальнейшая разработка диалектической философии Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем окончательно преодолевает опытный стиль мышления и различает категории разумного мышления: особенного, единичного и всеобщего. «Положительные» же науки, отрицающие опыт сознания, а следовательно, и его историю и развитие, подразумевают под сознанием некий безразмерный нормализованный источник, преобразования в котором совершаются мгновенно и идеально. Фактически здесь особенность предмета выдается за всеобщее основание всего иного. Если эксплицировать данное нарушение в сфере социальных явлений, то получается, что какой-либо идеал гуманности признается за единственно возможный и необходимый, т. е. развитие, логически присущее человеческой природе, подменяется своей полной противоположностью — произвольной догматической (тоталитарной) определенностью. Таким образом, отсутствие человеческого становится критерием самой человечности.

В истории русской мысли попытки духовно освоить социальную действительность, ввести научную методологию в сферу общественной жизни происходили под эгидой стремления к системности, органичной синтетичности имеющихся знаний. Опираясь на историческое исследование философской мысли В. В. Зеньковского, отметим, что доминирующие интеллектуальные

тенденции основой своей имели ту или иную интуицию действительности. Действительно, для отечественной мысли рассматриваемого периода характерно не всеобще-логическое, а интуитивное понимание синтетической цельности. Упомянем здесь идею «понимания как целостного знания» В. В. Розанова, «цельное знание» И. В. Кириеевского и А. С. Хомякова, «свободную теософию» В. С. Соловьёва, интуитивизм С. Л. Франка и Н. О. Лосского и т. д. Здесь и берет свое начало основная противоречивость данной установки — эклектическая направленность означенных течений. Внешняя, механическая связь философского созерцания, религиозно-мистических интуиций, «положительной» фактологии элиминирует самое существо философии — всеобщность, а следовательно, ее синтетическую мощь, органически сочетающую истинное, содержащееся во всех сферах человеческого опыта: эстетической, научной и религиозной. Философия синтетична по своей сущности и содержательно охватывает бесконечно становящееся логическое, природное и духовное бытие, поэтому правомернее говорить о методологическом преодолении всего конечного и относительного, которое осуществляется развитием системы философского знания.

Однако, несмотря на указанную эклектичность, русская мысль, на наш взгляд, оказалась в более выигрышном положении по сравнению с западной. Причиной тому является сильное влияние христианской православной традиции на умы творящей интеллигенции. Дело в том, что синтетичность мышления, заключенная в системе абсолютного идеализма, имплицитно заключена в христианском учении. По справедливому замечанию М. К. Мамардашвили,

сама... идея христианской культуры фундаментальна и проста. Эта культура принадлежит людям, которые способны в частном деле воплощать бесконечное и божественное. Говоря «частное», я имею в виду дело сапожника, купца, рабочего и т. д. В противоположной культурной ситуации вы имеете дело с феноменом, суть которого состоит в фантастическом безразличии человека к собственному делу. Почему это происходит? Потому, что любое дело никогда не совпадает с некой мистической абсолютной и бесконечной точкой. То, что я делаю, не имеет, согласно этой схеме, никакого значения. Поэтому я могу быть подлым сегодня, чтобы стать безупречным завтра [1, с. 51].

И если «горячо исповедуемый замысел раскрытия христианской истины в «форме» философии» [3 с. 451], представленный учениями Соловьёва, Флоренского, Булгакова, на наш взгляд, воспроизводил примат богословия над философией и тем самым мистифицировал категории разумного мышления, то противоположный путь, путь преодоления позитивистской логики и последующего восхождения к ее диалектическим, всеобще-бесконечным основаниям, т. е. путь Христа, «смертью смерть поправшего», есть единственно верный способ преодоления собственной ограниченности и постижения духовных глубин. Философский анализ духовной истории человечества показывает, что лишь в христианстве Божественный разум раскрывается перед разумом человеческим, «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» (Св. Василий Великий). Абсолютная личность Христа (Логос) снимает всю относительную противоречивость бытия и мышления. Всеобщее развивается до разумной

формы самосознания, через преодоление всего конечного, содержащегося в природе и мысли, достигая становящейся вечности абсолютного духа в формах философии, искусства, религии. Выражение Мирового разума (Бог) происходит не посредством чего-то иного, а через самое себя, через Идею процессуальности Духа, Природы, Логики (Триединство Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Духа Святого). Только христианская мысль и история в полной мере показывают, как эстетические и религиозные догматы в отношениях с Богом преобразуются в философское, умозрительное Его понимание. Значит, философский абсолютный идеализм христологичен в своей духовной основе, и наоборот, всякая христианская истина подразумевает логоцентрическую основу.

Уникальный опыт христоцентрического мышления осуществлен русским ученым Е. В. Спекторским. Разработанная им система «трансцендентного идеализма» легла в основу его энциклопедии христианской жизни, в которой всеобщность христианства определяет его системную онтологическую связь с духовным, социальным и материально-техническим элементами культуры. Отметим некоторые основные моменты биографии и творческой деятельности этого замечательного русского ученого.

Евгений Васильевич Спекторский родился 15 октября 1875 г. в Волынской губернии в семье мирового судьи. Во время своего обучения на юридическом факультете Варшавского университета будущий ученый под руководством А. Л. Блока (отца великого русского поэта) получает степень кандидата права за диссертацию «Жан-Жак Руссо как политический писатель». Оставшись преподавать на кафедре Евгений Васильевич дослуживается до экстраординарного профессора, активно участвуя в научно-административной деятельности университета. В 1913 г Спекторский назначается на должность профессора киевского университета св. Владимира, а после избирается его ректором. Эмигрантский период в жизни ученого выпавший на 1920–1951 гг., обусловлен его сотрудничеством с белогвардейцами и буржуазно-либеральными взглядами ученого.

Современные исследователи обнаруживают влияние А. Л. Блока на молодого ученого, отмечая у обоих стремление к охвату не одной, а нескольких обществоведческих дисциплин. И действительно, оба не замыкаются в частноправовых вопросах социологии, а исходя из глубокого интеллектуального сопереживания эпохе, понимания ее кризисного состояния, стремятся познать всеобщий исток общественно-правовой жизни, обосновать энциклопедичность наук и указать в нем место социологии. Спекторского, как и А. Л. Блока, привлекал позитивизм как вера в доказательность факта. Поэтому то, что впоследствии напишет Спекторский о своем учителе — «Он предпочитал отказываться совсем от каких бы то ни было теорий, чем успокаиваться на теориях не адекватных стихийному бытию. Он не признавал иной научной истины, кроме истины факта», — в какой-то степени справедливо и относительно него самого [4, с. 11]. Как мы видим, здесь имеет место описанная выше «положительность», которая и послужила причиной эклектичного соединения особенных сфер всеобщего в той или иной степени у обоих мыслителей. Сам Блок, придерживаясь идеала «положительности», обосновывает им круг наук принципом

расширения изучаемого круга объектов, переходом от наиболее близких научному сознанию чисто духовных объектов к более отдаленным и инородным объектам общественным. Только после этого, обогатившись в достаточной степени и опытом, и точками зрения, научная мысль может пытаться выйти уже за пределы человеческого мира и более или менее удачно проникать в мир физический [4, с. 48].

Приведем установленную таким образом классификацию наук: логика, эстетика, этика, юриспруденция, политика, социология, психология, медицина, биология, химия, физика, космография, теология. Здесь и логика, равно как и эстетика с этикою, — «строго эмпирические науки, изучающие, как осуществляются идеалы (истины, красоты и добра. — прим. автора) в реальной действительности» [4, с. 47].

Уже Спекторский справедливо замечает парадоксальность основной классификационной идеи Блока, но не отказывается от идеи классификации в целом. В этой идее системности отчетливо прослеживается опосредованное идейное влияние Шеллинга и Гегеля. Оставляя за естественными науками идеал «положительности», Спекторский отказывает в нем наукам гуманитарным и провозглашает идеал телеологический:

А физика и этика, как бы они не объединялись логикой, по-видимому, никогда не сольются и не станут чем-то аналогичным друг другу. Как бы мы их не сближали, мы все-таки наталкиваемся на вечную и никак не разрешимую противоположность души и тела... Сообразно с этим... вопрос о целях и о средствах к их осуществлению... всегда будет играть крупную роль в этих науках [5, с. 241–242].

Осмысливая религию, философию и науку как идеалистическую основу (т. е. цель), Спекторский рассматривает само общественное устройство как средство достижения этой цели, а экономику и хозяйство — как технику. Религиозный идеал опосредуется социологической и технической сферами и снимается в истории культуры, сообщающей ему новые горизонты. Значит, христианство с его идеей Царствия Божия как цельности и полноты духовного бытия и есть та система «трансцендентного идеализма», которая принимает реальность в ее стихийном виде и поднимает ее к всеобщему логоцентрическому (или христологическому) основанию. «...Христианство не подчиняет человека природе, а, напротив, подчиняет ее ему. Степень подчинения определяется прогрессом человечности в человеке. Чем больше у него духовной культуры, духовной силы, тем покорнее ему природа», — заключает мыслитель [6, с. 331].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация: Тексты и беседы. — М.: Логос, 2004.
2. Линьков Е. С. Становление логической философии // Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб., 1997.
3. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: Академический проект, Раритет, 2001.

4. Спекторский Е. В. Александр Львович Блок. Государствовед и философ. — Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1911.
5. Спекторский, Е. В. Очерки по философии общественных наук. — Вып. 1. — Варшава: Тип. Варшав. Учеб. округа, 1909.
6. Спекторский Е. В. Христианство и культура. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013.